

В. Л. БУРЦЕВЪ

ВЪ БОРЬБѢ
съ большевиками и нѣмцами

Статьи изъ „Будущаго“ и „Общаго Дѣла“
(1917 г.).

Граждане! Спасайте Россію!

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

PARIS

49, Boulevard Saint-Michel.

—
1919

В. Л. БУРЦЕВЪ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ И НѢМЦАМИ

Статьи изъ „Будущаго“ и „Общаго Дѣла“
(1917 г.).

Граждане! Спасайте Россію!

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

PARIS

49, Boulevard Saint-Michel.

—
1919

Imprimerie "UNION"
46, Bd. St.-Jacques
PARIS.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно мною была издана брошюра «Въ борьбѣ съ большевиками и нѣмцами». Въ ней я собралъ статьи, написанныя мною противъ большевиковъ и нѣмцевъ осенью 1917 года — еще до большевистскаго переворота.

Въ этихъ статьяхъ я былъ тревогу по поводу надвигавагося тогда на нашу родину народнаго бѣдствія, которое, дѣйствительно, вскорѣ и разразилось.

Власть въ то время была въ рукахъ людей слѣпыхъ, глухихъ, ничего непонимавшихъ въ политическихъ вопросахъ. Эти слѣпцы — увы! — и до сихъ поръ считаютъ себя государственными людьми и до сихъ поръ все еще борятся съ тѣми русскими патріотами, которые, какъ преемники генерала Корнилова, выбиваются изъ силъ, чтобы спасти родину.

Я только что получилъ изъ Россіи еще нѣсколько номеровъ «Общago Дѣла», издававагося въ Петроградѣ въ 1917 г., которыхъ не было у меня при изданіи первой моей брошюры, и я изъ нихъ въ настоящее время перепечатаваю нѣсколько статей въ видѣ второго выпуска брошюры: «Въ борьбѣ съ большевиками и нѣмцами».

Вновь перепечатываемыя статьи, какъ и раньше напечатанныя, не трѣбуютъ никакихъ комментариевъ.

Мое отношеніе къ большевикамъ и къ нѣмцамъ

выяснено въ нихъ совершенно опредѣленно, и оно теперь такое же, какимъ было и въ послѣдніе годы.

Скажу только два слова объ одной, особенно памятной для меня статьѣ, написанной мной о Раковскомъ въ отвѣтъ на открытое письмо ко мнѣ В. Г. Короленко, напечатанное въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Послѣ того, какъ была написана эта статья прошло два года. В. Г. Короленко для меня остался, само собой разумѣется, попрежнему В. Г. Короленко, и его имя и теперь для меня, какъ и для всѣхъ насъ, попрежнему дорого, какъ имя одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей и какъ честнаго гражданина-народолюбца.

Мой тогдашній споръ съ В. Г. Короленко по поводу Раковского можетъ теперь считаться оконченнымъ.

Что собою представлялъ въ тѣ годы Раковский, объ этомъ въ настоящее время болѣе спорить не приходится. Объ этомъ ясно говоритъ его дѣятельность за послѣдніе два года. Вся она прошла въ передовыхъ рядахъ большевиковъ. Въ 1917 г. онъ только къ ней готовился, какъ къ тому же готовились одновременно съ нимъ Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ, Крыленко и К°.

Раковский — одинъ изъ наиболее ответственныхъ, кровавыхъ людей большевистскаго движенія.

Я рѣшился перепечатать свой тогдашній отвѣтъ В. Г. Короленко по поводу Раковского исключительно для того, чтобы напомнить, какая среди насъ въ то время царила слѣпота, если даже В. Г. Короленко считалъ возможнымъ выступить въ защиту Раковского, — предательскую дѣятельность котораго я тогда разоблачалъ, — какъ трудно было тогда намъ бороться противъ Ленина, Троцкаго, Раковского и всѣхъ вообще большевиковъ, и какъ имъ легко было подготавливать свое проклятое дѣло.

Исторія, говорятъ, чему-то людей учитъ.

Будемъ надѣяться, что впредь она научитъ и русскихъ людей во-время, а не заднимъ умомъ, вѣрно понимать истинную роль и дѣятельности всѣхъ этихъ Раковскихъ, какъ и Лениныхъ, и Троцкихъ.

Еще нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ моихъ статьяхъ: «Граждане! Спасайте Россію» и «Отъ редакціи «Общѣго Дѣла».

25-го октября 1917 года большевики совершили въ Петроградѣ свой государственный переворотъ.

Когда утромъ, въ этотъ день, я вышелъ на улицу, то увидѣлъ расклеенныя на стѣнахъ прокламаціи народныхъ комиссаровъ.

Я понялъ, что въ Россіи случилось что-то ужасное...

Большевики захватили всѣ типографіи, и потому ни одна анти-большевистская газета въ этотъ день выйти не могла. Моя типографія, въ которой я печаталъ «Общѣе Дѣло», была запечатана еще по приказу Керенскаго, и ею тоже завладѣли большевики.

По городу ходили большевистскіе патрули и ими были заняты мосты черезъ Неву. Тамъ не менѣе, я пробрался съ Невскаго на Васильевскій Островъ, и тамъ, утромъ же, 25-го октября, нашелъ типографію, которая согласилась напечатать номеръ новой моей газеты «Наше Общѣе Дѣло». Я зналъ напередъ, что это будетъ первый и послѣдній номеръ.

Я зналъ, что въ типографіи есть рабочіе большевики и что, слѣдовательно, быть можетъ, въ послѣдній моментъ мнѣ не только не удастся выпустить газеты, но я буду арестованъ вмѣстѣ съ ней.

Я началъ печатать номеръ въ 10 час. утра. Въ типографіи же писалъ статьи, тамъ ихъ корректировалъ и только въ 3-мъ часу, когда кончилъ корректуру, я ушелъ изъ типографіи и между большевистскими патрулями сталъ пробираться къ себѣ въ редакцію на Невскій проспектъ.

Къ 5-6 час. мнѣ въ редакцію тайно доставили въ большомъ количествѣ газету. Около редакціи образовался хвостъ, и мы стали газету продавать и раздавать.

Это была единственная анти-большевистская газета, которая вышла въ Петроградѣ вечеромъ, въ день большевистскаго переворота.

Когда газета была распродана и въ редакціи оста-

валясь: лишь несколько сотъ экземпляровъ; туда ворвались большевики и произвели первый обыскъ.

Я только что передъ этимъ ушелъ изъ редакціи и былъ на своей квартирѣ.

Было ясно, что большевики придутъ меня арестовать. Мои товарищи убѣждали меня скрыться, но я проводилъ вѣсъ и остался на своей квартирѣ одинъ дожидаться большевиковъ. Я не хотѣлъ скрываться. Своимъ арестомъ и своей тюрьмой я рѣшилъ открыто протестовать противъ преступнаго переворота большевиковъ.

Вскорѣ явилось ко мнѣ десять матросовъ съ винтовками и съ большевистскимъ комиссаромъ во главѣ. Я былъ арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость.

Тамъ изо дня въ день, цѣлые мѣсяцы, намъ, вѣсъ арестованнымъ, грозили разстрѣломъ. Только въ мартѣ 1918 г. мнѣ случайно удалось вырваться изъ большевистской тюрьмы, и теперь, здѣсь, за границей, я продолжаю борьбу, которую велъ противъ большевиковъ въ Россіи и какую я буду продолжать съ ними впоследствии въ Петроградѣ, когда смогу тамъ возобновить изданіе «Общаго Дѣла».

Двѣ послѣднія статьи были помѣщены мною въ первомъ и единственномъ номерѣ «Нашея Общаго Дѣла». Вторая изъ нихъ была мною написана 24 октября, наканунѣ переворота, когда, вмѣсто закрытаго изъ-за статьи о ген. Верховскомъ «Общаго Дѣла», я готовился издавать, еще при Керенскомъ, новую газету «Наше Общее Дѣло».

Вл. БУРЦЕВЪ.

Парижъ, 5 октября 1919 г.

Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними.

Россія переживаетъ въ эти дни роковой моментъ своей исторіи. Передъ ней стоитъ вопросъ ея бытія и ея чести.

Всѣ политическія партіи, всѣ отдѣльные политическіе дѣятели и все сознательное населеніе страны должны рѣзко подѣлиться на два непримиримыхъ лагеря—для безпощадной войны другъ съ другомъ.

Одни—за бытіе Россіи, за ея честь. Другіе—за что угодно, но только не за ея бытіе и не за ея честь.

У этихъ двухъ политическихъ лагерей въ данный моментъ нѣтъ ничего общаго.

Они—не политическіе противники. Они—политическіе враги, и ихъ борьба не можетъ не быть безпощадной.

Ее нельзя откладывать на завтра, а необходимо развернуть ее во всю ширь именно сегодня.

Съ нами—громадное большинство населенія и всѣ здоровыя политическія партіи. Мы должны понять, что въ роковой моментъ исторіи нашей родины, какой мы переживаемъ теперь, всѣ отдѣльныя разногласія между нами должны исчезнуть и мы должны ясно опредѣлить, кто нашъ врагъ.

*
*
*

Вотъ кто въ настоящее время является нашими общими врагами:

1) *Большевики*, ставящіе свои демагогическія цѣли выше интересовъ Россіи и идущіе къ нимъ всеми путями, исповѣдуя принципъ: *«цѣль оправдываетъ средства.»*

2) *Представители правыхъ партій*, кто еще не отказался отъ надежды спасти хотя бы частицу старой власти.

Они тоже идутъ къ своимъ цѣлямъ всеми путями, исповѣдуя тотъ же принципъ: *«цѣль оправдываетъ средства»*,—и прибѣгаютъ къ самымъ противоестественнымъ союзамъ и братаніямъ.

3) *Нѣмецкіе агенты и шпіоны.*

Они забрали въ самую глубь Россіи, въ самое ея сердце, проникли въ литературу, въ политическія партіи, въ народныя массы и хозяйничаютъ тамъ всюду, какъ у себя дома, въ Пруссіи. Для нихъ дорого спасти, во что бы то ни стало, ихъ преступное правительство. Имъ необходимъ разгромъ нашихъ союзниковъ. Имъ нужно униженіе Россіи и сохраненіе ихъ старой кабалы надъ ней.

Къ этимъ своимъ цѣлямъ они идутъ тоже всеми путями, исповѣдуя тотъ же принципъ: *«цѣль оправдываетъ средства»*, — а каковы ихъ средства, мы это видѣли на улицахъ Петрограда 3-го и 4-го іюля.

Нѣмцы всегда ставили своей задачей уничтожить, обезсилить, унижить Россію. Этой своей каиновой работой они занимались систематически цѣлыми годами еще задолго до войны. Ею они усиленно занимались во время войны, но никогда раньше имъ не удавалось такъ широко и такъ успѣшно вести свой заговоръ противъ нашей родины, какъ это имъ удалось дѣлать не разъ въ дни нашей великой революціи.

Въ эти великіе дни Россія для дѣла свободы сдѣлала много такого, что навсегда останется крупнейшими завоеваніями въ исторіи всего человѣчества.

Но этой свободой сумѣли воспользоваться не только мы для дѣла служенія демократіи. Ею воспользовались и нѣмцы для своихъ цѣлей.

Все ихъ усилія, однако, никогда не могли бы имѣть даже и приблизительно такого успѣха, кото-

рый имъ удалось имѣть, на примѣръ, на этихъ дняхъ на улицахъ Петрограда, если бы они не имѣли возможности идти рука объ руку съ большевиками и съ представителями стараго строя.

Когда большевики кричали: «Долой войну!» «Долой временное правительство!» «Долой союзниковъ!», когда они дезорганизовали наше войско, отравляли жизнь всего Петрограда, они только выполняли самыя горячія пожеланія Вильгельма II.

Въ эти дни на улицахъ Петрограда нѣмцы одержали побѣду, равную которой они до сихъ поръ рѣдко одерживали и на фронтѣ.

Но эта послѣдняя побѣда нѣмцевъ въ Петроградѣ будетъ, кажется, въ то же время и ихъ пирровой побѣдой.

Глаза правительства и глаза всего населенія раскрылись на ихъ преступную дѣятельность.

Ихъ союзники — большевики — понесли смертельное политическое и моральное пораженіе и больше имъ на ноги никогда не встать.

Ихъ никогда не перестанутъ проклинать за то, что они сдѣлали въ эти дни на улицахъ Петрограда.

Но теперь мы будемъ говорить не о нѣмцахъ: они — наши открытые враги и ничѣмъ другимъ быть не могутъ. Они и впередъ по прежнему всегда будутъ стремиться отравлять русскую жизнь для того, чтобы отъ этого имъ въ Германіи было лучше жить.

Не будемъ сейчасъ говорить и о нашихъ реакціонерахъ. И они сами и ихъ принципы безповоротно осуждены русской революціей и русской исторіей. Сами по себѣ они теперь не имѣютъ болѣе никакой опоры въ странѣ и ихъ злоба безсильна. Они могутъ представлять собою опасность только тогда, когда будутъ опираться или на нѣмцевъ, или на большевиковъ.

Иное дѣло — большевики.

Это — наши бывшіе товарищи. Теперь они, пользуясь тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находится вся страна благодаря войнѣ, являются

злѣйшими ея врагами и, ради успѣха своего доктринерства и своей демагогіи, рѣшили довести до конца свои задачи, хотя бы для этого и нужно было поставить на карту судьбу всей страны.

Что большевики до сихъ поръ всегда работали на радость нѣмцамъ,—мы это и раньше хорошо знали, а теперь, это понимаютъ уже всѣ.

Въ этой систематической помощи нѣмцамъ въ настоящей войнѣ мы обвиняемъ какъ партію большевиковъ въ ея дѣломъ, такъ и ихъ лидеровъ и всѣхъ тѣхъ, кто помогаль имъ дѣлать дѣло разрушенія Россіи.

Вотъ нѣсколько именъ лицъ, кто въ эти мѣсяцы работалъ надъ разложеніемъ Россіи:

1. Ленинъ,	7. Рязановъ.
2. Троцкій.	8. Козловскій.
3. Каменевъ.	9. Луначарскій.
4. Зиновьевъ	10. Рошаль.
5. Коллонтай.	11. Раковскій.
6. Стекловъ (Нахамкесъ).	12. М. Горькій (А. М. Пышковъ).

Намъ больно включить въ этотъ списокъ дорогое для всѣхъ насъ имя большого художника, о которомъ впоследствии много будутъ говорить и на страницахъ исторіи политической борьбы за свободу Россіи. Но мы не можемъ забыть, что въ годы напряженной борьбы русскаго народа за его существованіе этотъ художникъ, человекъ, по существу почти чуждый активной политической борьбѣ, тѣмъ не менѣе, явился вдохновителемъ пораженческой газеты «Новая Жизнь» и оказалъ такъ много услугъ тѣмъ, кто рука объ руку съ нѣмцами работалъ надъ униженіемъ и раззореніемъ нашей родины.

* * *

Изъ показаній недавно застрѣливагося Б. Долина. присланнаго нѣмецкимъ военнымъ атташе въ Бернѣ фонъ-Бисмаркомъ въ Россію въ 1915-16 г.г. какъ для подготовки взрыва дредноута «Марія», поджога Архангельскаго порта, убійства мин. ин. дѣлъ Сазонова. взрыва мостовъ и военныхъ заводовъ, такъ и для

пропаганды мира во что бы то ни стало, немедленнаго прекращенія войны, организаціи возстаній на мѣстахъ по всякаго рода поводамъ,—все это съ откровенною цѣлью развитія внутренней смуты и ослабленія военной помощи Россіи,—я убѣдился, что фонъ-Бисмаркъ, въ выполненіи этихъ своихъ замысловъ болѣе всего рассчитывалъ на содѣйствіе Ленина и его партіи, на ихъ борьбу со всякимъ правительствомъ въ Россіи, которое будетъ вмѣстѣ съ союзниками вести войну противъ Германіи, на ихъ разжиганіе классовой борьбы, на ихъ отрицаніе войны, на устройство ими возстаній, на разрушеніе всякой дисциплины въ войскахъ.

Предо мной лежатъ показанія другою такого же лица, какъ и Долинъ, русскаго офицера, тоже присланнаго въ Россію, въ качествѣ нѣмецкаго агента, но уже во время революціи*). Ему нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ было поручено то же, что и Долину: возбужденіе народныхъ возстаній въ Россіи, организація поджоговъ, грабежей и внесеніе всякаго рода смуть. Ему дали указанія войти въ сношенія съ представителями большевистскаго и украинскаго движенія и дѣйствовать въ ихъ духѣ.

Товарищи, пріѣхавшіе изъ Швеціи, познакомили насъ съ сѣтью нѣмецкаго шпіонажа, существующаго въ Стокгольмѣ, Христіаніи, Копенгагенѣ и Гапарандѣ.

Оттуда сотнями посылаются въ Россію нѣмецкіе агенты и имъ поручаютъ: пропаганду мира во что бы то ни стало, возбужденіе возстаній, борьбу съ Временнымъ Правительствомъ, разжиганіе классовой борьбы и т. д. Для этихъ цѣлей ихъ осыпаютъ нѣмецкимъ золотомъ. Тѣмъ, кто ѣдетъ въ Россію, рекомендуется рука объ руку идти съ ленинцами, сливаясь съ ихъ организаціями, дѣйствуя въ ихъ духѣ.

Нѣмецкій генеральный штабъ, по словамъ его агентовъ, не видитъ для себя въ Россіи лучшихъ союзниковъ, какъ большевики.

Въ самой Германіи, съ самаго начала войны и даже ранѣе,—когда она только что подготавлилась,—нѣмец-

*) Ермоленко.

кое правительство создавало специальные общества для борьбы съ русской арміей и русскимъ правительствомъ. Оно, между прочимъ, воспользовалось для этого услугами извѣстнаго ренегата, бывшаго русскаго соціаль-демократа Парвуса. Вчерашній дѣятельный членъ русской соц.-демократической партіи, сегодня сталъ ревностнымъ исполнителемъ плановъ нѣмецкаго правительства и его генеральнаго штаба.

Свою дѣятельность Парвусъ распространилъ повсюду: въ Германіи, Австріи, Италиі, Болгаріи, Турціи. Какъ до, такъ и во время войны, онъ всюду тамъ находилъ для себя послушныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ, какъ на примѣръ: бывшаго члена 2-й Гос. Думы Зурабова, Перазича, Л. Троцкаго—всѣ трое въ настоящее время играютъ видную роль въ Сов. Р. и С. Д. въ Петроградѣ,—Коллонтай, Козловскаго, извѣстнаго публициста болгарина Х. Раковскаго, нынѣ сотрудника «Новой Жизни», проживающаго въ Петроградѣ, и многихъ другихъ.

Когда въ 1915 г. въ литературѣ было брошено обвиненіе противъ Парвуса что—онъ провокаторъ, я отвѣтилъ:

Парвусъ—не провокаторъ, но онъ хуже провокатора: онъ — агентъ Вильгельма II.

Къ этимъ словамъ я и въ настоящее время не имѣю ничего добавить, и, когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, не былъ ли провокаторомъ тотъ или иной изъ его сотрудниковъ, я отвѣчаю такъ же:

Они—не провокаторы, они—агенты Вильгельма II, исполнители его воли.

Здѣсь я скажу пока только два слова о Раковскомъ.

На этихъ дняхъ намъ было больно прочитать то, что о немъ написалъ, по явному недоразумѣнію, В. Г. Короленко, который для всѣхъ насъ является въ настоящее время совѣстью русскаго народа. В. Г. Короленко говоритъ о Раковскомъ, какъ о независимомъ писателѣ и другѣ дѣла русскаго народа.

Мы знаемъ, что за все время войны Раковский всегда былъ близкимъ человѣкомъ Парвуса и еще въ 1914 г. вмѣстѣ съ нимъ и съ Зюдекумомъ ѣздили въ Италію для защиты политики Вильгельма II и болгарскаго Фердинанда противъ Россіи, Франціи и Англии. Его пропаганда въ Италиі въ пользу нѣмцевъ была такова, что итальянское правительство, еще не присоединившееся тогда къ союзникамъ, выслало его изъ Италиі. Затѣмъ онъ съ помощью нѣмцевъ, на ихъ средства, и, конечно, для защиты ихъ интересовъ, издавалъ въ Румыніи свой журналъ «Лупта».

Мы не слышали, чтобы русская революція заставила Х. Раковскаго оставить прежнюю его защиту нѣмецкихъ интересовъ, и думаемъ, что мы въ правѣ сказать, что онъ, выступая за послѣднее время въ Петроградѣ въ защиту большевиковъ, оставался вѣренъ тому, что проповѣдывалъ и что дѣлалъ и раньше въ связи съ нынѣшней войной.

Мы предоставляемъ право всѣмъ, — отъ Ленина до Раковскаго, — писать и проповѣдывать все, что имъ угодно, но подъ однимъ условіемъ: пусть они дѣйствуютъ безъ какихъ бы то ни было вуалей, а намъ предоставлять право всѣ вещи называть собственными именами и, при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, дѣлать всѣ нужныя заключенія.

Дѣятельность перечисленныхъ нами лицъ отъ Ленина до Раковскаго была послѣднее время такова, что насъ отсюду сотни разъ спрашивали, — не провокаторы ли они?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить слѣдующее:

Они — не провокаторы, но они, какъ и Парвусъ, хуже чѣмъ провокаторы, — они въ своей дѣятельности, всегда являлись, вольно или невольно, агентами Вильгельма II-го.

Благодаря именно имъ: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д., въ эти проклятые, черные дни 3-4 іюля Вильгельмъ II достигъ всего, о чемъ только мечталъ: онъ сорвалъ нашъ военный заемъ, онъ въ сотни домовъ Петрограда внесъ трауръ, онъ остановилъ жизнь въ столицѣ и тѣмъ самымъ ударилъ по всей странѣ и по арміи.

За эти дни Ленинъ съ его товарищами обошлись намъ не меньше хорошей чумы или холеры.

Въ виду всего этого мы и можемъ сказать, что въ русской жизни нѣтъ въ настоящее время большаго зла и большаго опасности, чѣмъ большевизмъ Ленина и его товарищей.

Народъ имѣетъ право требовать отъ правительства свободной республики исчерпывающаго расслѣдованія о всей дѣятельности Ленина. и правительство обязано дать полное удовлетвореніе негодующему народу.

(«Будущее» № 3. июль 1917 г.)

Керенскій, Корниловъ и Калединъ.

О роли А. Ф. Керенскаго въ событіяхъ 26-27 августа, положившихъ начало дальнѣйшей великой разрухѣ русской жизни, не можетъ быть двухъ мнѣній. Она ясна.

Въ эти трагическіе дни Керенскій велъ себя, какъ заурядный обыватель. То, что онъ сдѣлалъ, — намъ приходилось часто наблюдать въ жизни эмигрантскихъ или безотвѣтственныхъ тайныхъ, мелкихъ революціонныхъ кружковъ. Отъ партійныхъ и кружковыхъ сваръ событія 26-27 августа отличаются только колоссальностью своего значенія для всей настоящей войны и для всей русской исторіи. Исторія будетъ говорить о нихъ, какъ о большомъ народномъ несчастіи, какъ о нашемъ національномъ траурѣ.

Какую роль въ этихъ событіяхъ игралъ А. Ф. Керенскій, — мы знаемъ, но пока очень трудно сказать, какой выходъ выберетъ онъ изъ создавшагося положенія. Его поведеніе въ дни 26-27 августа говоритъ только объ его непониманіи государственныхъ задачъ и о полномъ отсутствіи у него характера.

Говорятъ, онъ былъ глубоко возмущенъ тѣмъ, что «Общее Дѣло» напечатало нѣсколько правдивыхъ страницъ о дѣлѣ ген. Корнилова и настаивалъ на томъ, чтобы противъ меня, какъ редактора, было начато судебное преслѣдованіе и чтобы я былъ арестованъ за опубликованіе этихъ документовъ. Если это такъ, — а это

несомѣнно такъ,—то въ Керенскомъ сильно сказываются еще традиціи до-революціоннаго періода.

Но времена цензуры прошли безвозвратно. Правда не можетъ не выплыть наружу, и спрятать ее нельзя.

Пора понять, что незачѣмъ дѣло Корнилова оставлять для страницъ «*Былого*», а съ нимъ нужно теперь же познакомить современниковъ, не откладывая этого до завтра.

Это нужно сдѣлать въ общихъ интересахъ для того, чтобы, сколько возможно, исправить страшное дѣло 26-27 августа.

Мы ждемъ отъ правительства, что оно само прольетъ полный свѣтъ на дѣло Корнилова, и, во всякомъ случаѣ, мы просимъ не мѣшать намъ дѣлать этого.

Пусть самъ А. Ф. Керенскій перестанетъ смотрѣть на событія съ обывательской точки зрѣнія и въ оцѣнкѣ ихъ встанетъ на точку зрѣнія государственную. Тогда онъ пойметъ, что онъ обязанъ пожертвовать личными интересами для дѣла спасенія государства и что политика страуса, прячущаго голову во время опасности, не достойна взрослога человѣка, на плечахъ котораго величайшіе государственные интересы.

Пусть онъ вспомнитъ всю отвѣтственность, которая лежитъ лично на немъ и пересилитъ свою слабохарактерность. Тогда онъ, можетъ быть, заставитъ себя сдѣлать то, что онъ обязанъ сдѣлать.

Въ настоящее время для всѣхъ ясно, что А. Ф. Керенскій — главный виновникъ событій 26-27 августа.

Ему мы обязаны тѣмъ, что разрушена была одна изъ послѣднихъ надеждъ на спасеніе чести, интересовъ и самаго бытія Россіи, когда были раздавлены ген. Корниловъ и ген. Калединъ, и когда поѣтому поводу былъ большой праздникъ у большевиковъ съ одной стороны и у нѣмцевъ съ другой.

Что я правъ, въ этомъ, конечно, не будетъ сомнѣваться и самъ Керенскій. Пусть же онъ самъ и его друзья согласятся въ томъ, что я правъ и въ своихъ

выводахъ, а эти выводы изъ корниловской исторіи, по моему мнѣнію, таковы.

Для спасенія Россіи, для того, чтобы вывести насъ изъ нынѣшняго тупика помимо того, о чемъ мы говорили на страницахъ «*Общаго Дѣла*» въ своихъ программныхъ статьяхъ, на примѣръ, по поводу Совѣта Республики, необходимо:

- 1) пролить полный свѣтъ на корниловское дѣло,
- 2) немедленно освободить ген. Корнилова и его товарищей изъ тюрьмы, ликвидировать его дѣло, всенародно дать ему удовлетвореніе за пережитое имъ и

- 3) теперь-же отъ имени Временнаго Правительства и Совѣта Республики обратиться къ ген. Каледіну, какъ къ испытанному патриоту и республиканцу и къ его казакамъ, которые все время оставались вѣрными провозглашенной въ Россіи республикѣ, и вмѣстѣ съ ген. Корниловымъ призвать его къ власти, а затѣмъ обратиться ко всему населенію Россіи, какъ это было въ 1613 году, и собрать *всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ* вмѣстѣ, подъ одно знамя, для спасенія родины.

Только отсюда можетъ снова начаться собраніе Земли Русской.

Если Временное Правительство съ А. Ф. Керенскимъ во главѣ и Совѣтъ Республики станутъ на этотъ путь и вспомнятъ завѣты Минина и Пожарскаго, то для насъ перестанутъ быть страшными нѣмцы, хотя бы они и стояли у нашихъ воротъ, — и завтра они будутъ отброшены по ту сторону Карпатъ и Нѣмана.

(«*Общее Дѣло*», октябрь 1917 г.)

Мой отвѣтъ В. Г. Короленко.

Мой отвѣтъ на открытое письмо ко мнѣ В. Г. Короленко въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» является не по моей винѣ сильно запоздавшимъ.

Только теперь, на страницахъ «*Общago Дѣла*», я впервые смогу на вопросы, которые ставятся мнѣ, отвѣчать такъ, какъ считаю это нужнымъ, и всякій разъ, когда сочту это нужнымъ.

Сегодня я возвращаюсь къ письму В. Г. Короленко, между прочимъ, и потому, что вчерашнія газеты, въ связи съ именемъ Отто Бауэра остановили вниманіе русскихъ читателей на темѣ, весьма близкой къ той, на которую отвѣчала мнѣ В. Г. Короленко.

До революціи извѣстный австрійскій соц.-демократъ Отто Бауэръ жилъ въ Россіи въ качествѣ военно-плѣннаго, подъ надзоромъ полиціи и на него смотрѣли, какъ на опаснаго въ военномъ отношеніи человѣка.

Республика моментально его освободила. Съ горячими привѣтствіями встрѣтилъ его Сов. Раб. Депут. и Бауэръ принималъ участіе даже въ его закрытыхъ засѣданіяхъ.

Какъ къ товарищу, къ нему относилась та часть социалистической прессы, которая защищала Раковского, а также Гримма и Парвуса. Когда кто-нибудь указывалъ на Бауэра, какъ на врага Россіи, то въ этомъ видѣли контръ-революцію. Вскорѣ Отто Бауэръ былъ отпущенъ къ себѣ на родину съ пожеланіемъ

ему всяческих успѣховъ. Нынѣ газеты сообщаютъ, что на родинѣ Бауэру правительствомъ поручено официально бороться съ Россіей во славу Вильгельма.

Какъ ни удивило меня письмо В. Г. Короленко своимъ содержаніемъ и формой, въ которую оно было облечено, какъ ни была ясна для меня ошибочность его позиціи, тѣмъ не менѣе я тогда же имѣлъ въ виду ему отвѣтить.

Не безъ удовольствія тогда же я убѣдился въ томъ, что одинаково со мной къ письму В. Г. Короленко отнеслись и многіе другіе, мнѣніемъ которыхъ мы оба одинаково имѣемъ право дорожить.

Газеты, такъ отзывчиво всегда относившіяся къ каждой строчкѣ, написанной В. Г. Короленко, просили молчаніемъ это его письмо...

Это былъ первый отвѣтъ В. Г. Короленко на его письмо ко мнѣ.

Единственная газета, которая перепечатала письмо В. Г. Короленко и перепечатала его цѣликомъ, съ какимъ-то особеннымъ смакованіемъ, была горьковская «Новая Жизнь». Письмо В. Г. Короленко въ этой газетѣ было помѣщено почти одновременно съ однимъ ваглымъ «Открытымъ письмомъ» ко мнѣ какого-то Дауге по одному кляузному, завѣдомо злостному, поводу. *)

Это былъ второй отвѣтъ В. Г. Короленко на его письмо ко мнѣ.

Защищая Раковского, В. Г. Короленко проситъ поставить его имя рядомъ съ именемъ Раковского и одинаково ихъ или обвинять, или защищать.

Разумѣется, этой просьбы В. Г. Короленко мы ни въ какомъ случаѣ выполнить не можемъ. Для насъ В. Г. Короленко есть В. Г. Короленко и таковымъ останется навсегда. Онъ можетъ совершить ту или иную ошибку, когда онъ говорить по поводу мало

*) Письмо было написано въ защиту профессора М. А. Рейснера.

Въ настоящее время проф. Рейснеръ является душой большевистскаго движенія и его «перомъ». Съ нимъ я велъ упорную борьбу въ продолженіи цѣлаго ряда послѣднихъ лѣтъ.

знакомыхъ для него вопросовъ, но отъ этого онъ никогда не будетъ походить на Раковскаго.

Для меня В. Г. Короленко и Раковскій, такъ сказать, — «двѣ большія разницы».

Когда я буду говорить о взглядахъ и дѣятельности Раковскаго, я всегда буду говорить объ этомъ безъ всякой ихъ связи со взглядами и дѣятельностью В. Г. Короленко, — и наоборотъ.

Въ своей статьѣ «*Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними*», помѣщенной въ 3-мъ номерѣ «Будущаго», я говорилъ о Раковскомъ и рядѣ другихъ лицъ, какъ о политическихъ дѣятеляхъ, которые, по моему мнѣнію, занимаютъ крайне вредную позицію въ нынѣшней войнѣ и являются вольными или невольными агентами Вельгельма II и выполняютъ его заданія.

Утверждать это лично по отношенію къ Раковскому я имѣю много оснований.

Во время войны Раковскій жилъ въ Австріи, защищалъ австрійскую ориентацію въ противовѣсъ русской и имѣлъ дѣло съ Парвусомъ и его компаніей.

Появившись во время революціи въ Петроградѣ, онъ сдѣлался сотрудникомъ пораженческой газеты «*Новая Жизнь*», примкнулъ къ тѣмъ членамъ Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, кто велъ пораженческую линію, поддерживали противъ моихъ обвиненій Гримма и О. Бауэра и все время являлись, по моему мнѣнію, одной изъ причинъ нашихъ несчастій на фронтѣ.

В. Г. Короленко желаетъ смотрѣть на выступленія Раковскаго въ литературѣ, въ Сов. Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на митингахъ и т. д., какъ на дѣятельность исключительно идейную, и любитъ еѹ, какъ таковой, съ безпристрастіемъ литератора и историка даже тогда, когда онъ съ ней не согласенъ.

Для меня нынѣшняя дѣятельность Раковскаго и тѣхъ, подъ знаменемъ которыхъ онъ работаетъ, привела Россію къ Тарнополю, Ригѣ, братанію на фронтѣ, къ нѣмецкимъ десантамъ и т. д. Въ виду именно этого я рѣшительно отказываюсь въ настоящее время, подобно В. Г. Короленко, смотрѣть на Раковскаго и его дѣятельность съ безпристрастіемъ историка.

Можетъ быть, въ мирное время, въ словесныхъ дебатахъ и въ литературной полемикѣ я и самъ, подобно В. Г. Короленко, смогъ бы благодушно выслушивать все то, что теперь говорятъ наши пораженцы, но сейчасъ этого дѣлать я не могу.

Пораженчество Раковскихъ, которое они развиваютъ на страницахъ «*Новой Жизни*», приводитъ къ разгрому нашей арміи, къ гибели Россіи, т. е. къ тому, что такъ нужно для нѣмцевъ; для чего они платятъ безумныя суммы своимъ *вольнымъ* сознательнымъ агентамъ, дѣйствующимъ въ Россіи, для того, чтобы они подбивали *невольныхъ* своихъ помощниковъ и союзниковъ къ этой же проклятой работѣ.

Вотъ изъ какой оцѣнки дѣятельности Раковского вышелъ мой протестъ противъ него и противъ многихъ другихъ сознательныхъ и бессознательныхъ нѣмецкихъ агентовъ, льющихъ воду на нѣмецкія мельницы.

Кто изъ нихъ *сознательно*, кто *бессознательно* помогаетъ Вильгельму въ его планахъ въ этомъ намъ въ настоящее время трудно разобраться, а иногда и нельзя. Но не въ этомъ главнымъ образомъ и заключается вопросъ о нашемъ отношеніи къ Раковскимъ.

В. Г. Корсленко, подобно многимъ русскимъ общественнымъ дѣтелямъ, добродушно относится къ своимъ теоретическимъ разногласіямъ съ Раковскимъ и тѣмъ самымъ, по моему мнѣнію, жестоко относится къ вопросамъ о войнѣ.

Мнѣ хочется вѣрить, что въ моей оцѣнкѣ дѣятельности Раковского меня пойметъ и самъ В. Г. Короленко, если онъ будетъ имѣть въ виду сущность моего взгляда на его дѣятельность.

Вотъ на основаніи чего я рѣшаюсь высказать это.

Въ своемъ открытомъ письмѣ ко мнѣ В. Г. Короленко говоритъ:

— «Я — не кенталець, не циммервальдистъ, даже не интернаціоналистъ въ томъ узкомъ смыслѣ, какой нынѣ придается и этому слову. Защиту родины считаю важнѣйшей изъ ближайшихъ задачъ, а настроеніе, создаваемое такъ называемымъ «большевизмомъ» въ странѣ и на фронтѣ, могу сравнить развѣ съ

прививкой горячечной бациллы къ ослабленному народному организму».

Предо мной лежитъ недавнее, не предназначенное для опубликованія, письмо В. Г. Короленко ко мнѣ, гдѣ онъ съ такой душою говоритъ о необходимости всѣмъ намъ позаботиться о томъ, чтобы наша армія была снабжена здоровой патріотической литературой. т. е. онъ говоритъ о томъ, что такъ близко для насъ обоихъ и что такъ далеко для всѣхъ Раковскихъ.

Фактическія свѣдѣнія о Раковскомъ, а, можетъ быть, о Гриммѣ и о Бауэрѣ, у меня и В. Г. Короленко различны, а потому мы можемъ различно отнестись къ оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Но я не хотѣлъ бы допустить и мысли, что мы могли бы разойтись въ оцѣнкѣ того, что теперь нужно для нашей родины.

Мы одинаково страстно хотимъ для нея свободы, самостоятельности, полной побѣды въ этой войнѣ и ея избавленія отъ вѣкового нѣмецкаго плѣненія.

* * *

Внесу поправку къ письму В. Г. Короленко по поводу одного недоразумѣнія, для котораго я, впрочемъ, не подавалъ никакого повода.

В. Г. Короленко упрекаетъ меня въ томъ, что я отказываюсь принять вызовъ Раковскаго и судомъ разобрать мои обвиненія противъ него. Это совсѣмъ не такъ.

Въ 3-мъ № «Будущаго» я перепечатаваю свой отвѣтъ обратившимся ко мнѣ представителямъ Раковскаго. Въ этомъ заявленіи я самъ иду навстрѣчу къ Раковскому и предлагаю ему разобрать всѣ его возраженія: — или въ печати, или въ спеціальныхъ революціонныхъ комиссіяхъ, или въ гласномъ государственномъ судѣ. Я только отказываюсь принять его вызовъ на *третейскій судъ*, — и вотъ почему.

Раковскій, пріѣхавшій послѣ революціи въ Россію изъ заграницы, сколько мнѣ извѣстно, ни до, ни послѣ моей замѣтки не перемѣнилъ своего отношенія къ войнѣ. какое у него было раньше, и онъ остается

при тѣхъ же взглядахъ, которые такъ близки для Гримма и О. Бауэра и такъ далеки для меня.

Для меня Раковскій — не литературный противникъ, съ которымъ у меня существуютъ теоретическія разногласія, а политическій врагъ, и наши спорные съ нимъ вопросы теперь рѣшаются не литераторами на страницахъ газетъ, а арміями на фронтѣ. Поэтому, по моему мнѣнію, было бы вообще гораздо лучше и спокойнѣе для насъ, "русскихъ, если бы всѣ Раковскіе, а также Гриммы и О. Бауэры, во время войны были внѣ Россіи — у себя въ Болгаріи и Румыніи, Швейцаріи и Австріи, а не въ Петроградѣ, не въ засѣданіяхъ Совѣта Р. и С. Д. и не въ редакціи «*Нової Жизни*».

Такой взглядъ на Раковскаго и на другихъ, подобныхъ ему пораженцевъ, я высказалъ въ моей статьѣ, которую цитируетъ В. Г. Короленко, и изъ того, что я о немъ тогда написалъ, я ничего не беру назадъ и теперь.

При такомъ взглядѣ на Раковскаго я, конечно, никогда не позволю себѣ идти съ нимъ на третейскій судъ, какъ равный съ равнымъ, пока онъ будетъ въ противоположномъ для меня военномъ лагерѣ.

Согласившись участвовать въ третейскомъ судѣ съ Раковскимъ я тѣмъ самымъ далъ бы поводъ и для Гримма, О. Бауэра, Парвуса добиваться того же самаго у моихъ товарищей и у меня.

Но этого сдѣлать я не хочу и никогда этого не сдѣлаю.

По поводу вызововъ меня на третейскіе суды всѣми Раковскими и Зурабовыми, хотя бы они и продолжали назначать для моего отвѣта сроки въ 48 часовъ, я всегда неизмѣнно имъ буду отвѣчать словами Бѣлинскаго:

Я — жидъ и съ филистимлянами вмѣстѣ пѣтъ не хочу!

(«Общее Дѣло», октябрь 1917 г.)

Граждане! Спасайте Россію!

Случилось то, что и должно было случиться.

Случилось то, чего не предвидѣть могли одни только слѣпцы.

Объ этомъ мы кричали и до изданія «Общаго Дѣла» и затѣмъ въ каждомъ его номерѣ.

Наша родина на краю гибели. .

Нашъ врагъ стоитъ на границѣ...

Большевики съ ихъ Лениными и Троцкими открываютъ врагу настежъ двери нашей столицы... Измѣнники и предатели своей родины дѣйствуютъ съ поднятымъ забраломъ...

Но предатели и измѣнники на этотъ разъ ошиблись въ своихъ расчетахъ.

До сихъ поръ они могли существовать и подготавливать свое каиново дѣло благодаря преступному попустительству слѣпцовъ...

Но время этой слѣпоты прошло.

Россія стоитъ на краю пропасти и смотритъ въ нее...

Больше нѣтъ мѣста никакимъ колебаніямъ...

Отнынѣ борьба должна вестись безпощадно. Нельзя останавливаться ни передъ какими репрессіями...

Не должно существовать даже мысли о какомъ-либо перемиріи съ большевиками.

Если бы большевикамъ и удалось что нибудь изъ

ихъ преступныхъ замысловъ сдѣлать въ Петроградѣ, то Москва — эта историческая собирательница Русской Земли — и Россія доведутъ борьбу съ большевиками до конца.

Россія ни самимъ большевикамъ и никому, кто въ какомъ бы то ни было отношеніи окажетъ имъ поддержку, никогда не проститъ этихъ дней нашего позора, нашихъ несчастій, нашихъ страданій.

Если бы отъ имени Россіи большевики осмѣлились нашимъ врагамъ, нѣмцамъ, предложить переговоры о мирѣ, то Россія съ негодованіемъ отвергнетъ эту ихъ преступную попытку и по прежнему пойдетъ вмѣстѣ съ союзниками къ намѣченной цѣли.

Всѣ мы, какихъ бы взглядовъ ни были, какъ бы у насъ ни были различны ожиданія отъ будущаго, всѣ тѣ, кто только, дѣйствительно, искренно любитъ родину, должны соединиться между собою и идти рядомъ, руку въ руку. Между нами не должно быть никакихъ разногласій. У насъ должно быть все общее, и пока не обезпечено спасеніе нашей родины, — мы не имѣемъ права ни въ чемъ расходиться.

Первая основная задача русской жизни заключается въ томъ, чтобы совмѣстно съ нашими союзниками довести войну до побѣднаго конца.

Затѣмъ мы должны возможно скорѣе раздавить всѣ попытки гражданской войны. Для этого мы должны создать сильную власть и вокругъ этой власти собрать всѣ элементы, которые могутъ совмѣстно съ этой властью служить нашей основной задачѣ—доведенію войны съ нашимъ внѣшнимъ врагомъ до желаннаго конца.

Для этой цѣли мы должны объявить войну всѣмъ представителямъ большевизма и анархизма, всѣмъ ихъ явнымъ и тайнымъ друзьямъ, всѣмъ ихъ укрытелямъ и поощрителямъ.

Мы требуемъ преслѣдованія всѣхъ вожаковъ большевизма: Ленина, Троцкаго, Рязанова, Каменева, Зиновьева, Коллонтай, Нахамкеса, Луначарскаго и т. д.

Вр. Правительству удастся привлечь широкія на-

родныя массы и создать ту непоколебимую силу, которой легко будетъ бороться съ большевиками.

Пусть Русское Временное Правительство имѣть мужество, хотя бы теперь, признать, что мы не были его систематическими врагами потому только, что оно было представителемъ власти.

До сихъ поръ мы рѣзко, систематически, боролись съ нимъ именно потому, что оно не хотѣло быть властью, потому что оно поощряло будущихъ дѣателей гражданской войны и, тѣмъ самымъ, подготавливало современную катастрофу.

Пусть оно хотя бы теперь признаетъ, что у насъ всегда было только одно страстное стремленіе идти къ нему навстрѣчу, всякій разъ, когда мы могли думать, что оно стоитъ на вѣрномъ пути.

Такъ мы раньше относились къ Временному Правительству, такъ мы къ нему относимся и въ настоящее время.

Въ современный трагическій моментъ исторіи нашей родины мы ничего такъ страстно не хотѣли бы, какъ того, чтобы наша совѣсть намъ позволила всѣми нашими силами, отъ всей души идти на встрѣчу Временному Правительству.

Преступникъ — тотъ изъ насъ, кто въ настоящихъ условіяхъ, изъ какихъ бы то ни было соображеній, поднять руку другъ на друга.

Скажемъ два слова о прошломъ и затѣмъ будемъ говорить о будущемъ, о томъ, что намъ сдѣлать для спасенія нашей родины.

Въ прошломъ были двѣ причины всѣхъ нашихъ несчастій:

1) Слабое неумѣлое правительство, не знавшее своихъ друзей и боровшееся съ ними, — правительство, не знавшее своихъ враговъ и братавшееся съ ними.

На страницахъ «Общаго Дѣла» мы уже сказали много правды по этому поводу, и теперь намъ остается только повторить то, что мы говорили ранѣе.

2) Нашими врагами, врагами русскаго народа, вра-

гами нашихъ союзниковъ были представители нѣкоторыхъ крайнихъ теченій — большевики и анархисты и тѣ, кто были съ ними.

Цѣлые мѣсяцы мы кричали объ этомъ и требовали самой безпощадной борьбы съ ними. Въ отвѣтъ на наши требованія Правительство отдавало самыя ст-вѣтственныя учрежденія въ государствѣ, какъ военное министерство и министерство юстиціи,—въ руки этихъ самыхъ большевиковъ и выпускало изъ тюрьмы тѣхъ, кто былъ явными государственными преступниками и кого такими назвалъ А. Ф. Керенскій во вчерашней рѣчи уже послѣ того, какъ они, при попустительствѣ властей, надѣлали столько, едва поправимаго зла нашей родинѣ.

Правительство не хотѣло понять насъ. Съ его стороны мы все время встрѣчали одну лишь борьбу.

Недѣлю тому назадъ, когда по поводу дѣятельности военнаго министра Верховскаго мы крикнули: «Измѣна!»,— правительство закрыло нашу газету «Общее Дѣло» и секвестровало нашу типографію.

Еще вчера, послѣ извѣстія о возстаніи, предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ объ «Общемъ Дѣлѣ», какъ органѣ, подготовлявшемъ возстаніе!

Теперь не время возражать на всѣ эти обвиненія, которыя предъявляютъ намъ слѣпцы, наши враги. Очень скоро мы имъ дадимъ исчерпывающій отвѣтъ, а теперь только протестуемъ противъ такого къ намъ отношенія.

Вотъ наше отношеніе къ задачамъ текущаго момента.

Скажу прямо, безъ какихъ бы то ни было экивоковъ: *правительство обязано вступить на новый путь, тотъ путь, на который мы его звали все время, всѣми мѣрами, совмѣстно съ союзниками обезпечить исходъ настоящей войны, а для этого оно должно раздавить всѣ попытки внутренней гражданской войны и систематически бороться со всѣми проявленіями большевизма.*

Дѣлать это Временное Правительство должно, опираясь на всѣ слои общества безъ различія и дѣлать

это энергично,—и тогда мы пойдемъ безраздѣльно къ нему навстрѣчу, пойдемъ сами и будемъ звать на это и другихъ, а подведеніе нашихъ старыхъ счетовъ оставимъ на послѣ.

Недавно мы въ послѣднемъ номерѣ «Общаго Дѣла», съ болью въ сердцѣ, предчувствуя несчастья, которыя должны были обрушиться на нашу родину, крикнули:

Граждане! Спасайте Россію!

Мы и теперь повторимъ эти слова, — другихъ у насъ нѣтъ!

«Всѣ на ноги!»

«Граждане! Спасайте Россію!»

Изъ «Общаго Дѣла» № 1, 25 октября 1917 г.

Отъ редакціи газеты „Общее Дѣло“.

Въ 1-мъ номерѣ «Общаго Дѣла» я помѣстилъ статью:

«Въ Россіи нѣтъ свободы печати!»

Въ этой статьѣ я, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

Я начинаю издавать газету «Общее Дѣло».

Мнѣ такъ хочется до конца высказать всю правду о томъ, что происходитъ теперь въ Россіи на нашихъ глазахъ.

Но удастся-ли мнѣ это сдѣлать?

Что ждетъ меня съ изданіемъ «Общаго Дѣла»?

Возможность высказаться въ печати—съ однимъ лишь, непремѣннымъ, условіемъ отвѣчать за все написанное на судъ?

Или — меня ждетъ закрытіе «Общаго Дѣла», если оно кому-нибудь не понравится, — республиканскіе обыски и республиканская высылка безъ суда?

Или расправа наглецовъ, безпрепятственно безчинствующихъ теперь въ Петроградѣ?

Поживемъ — увидимъ!

Мнѣ удалось издать всего лишь только 23 номера «Общаго Дѣла», какъ моя газета была закрыта, типографія секвестрована, и въ высшихъ сферахъ теперь сидятъ и думаютъ, что еще сдѣлать со мной?

Что будетъ дальше, что будетъ съ моими гонителями, какъ сложится дальнѣйшая ихъ дѣятельность, — не знаю. Но я твердо знаю, что свободная литература, свободное, честное печатное слово, какимъ оно

было на страницахъ «Общаго Дѣла», будетъ существовать вѣчно, его никто никогда не прикроетъ и никто также не будетъ въ силахъ его секвестровать.

Мы пережили тяжкія времена стараго режима, а еще легче переживемъ недомоганія и болѣзни новаго.

Названіе газеты «Общее Дѣло», съ которымъ временно мнѣ приходится разстаться, для меня вдвойнѣ дорого.

Оно является для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ девизовъ, которыми я жилъ всю мою жизнь.

Оно дорого мнѣ своимъ глубокимъ содержніемъ и въ то же самое время оно мнѣ дорого и по нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ.

Подъ этимъ названіемъ, лѣтъ восемь тому назадъ, я издавалъ въ Парижѣ революціонный органъ, на страницахъ котораго мнѣ удалось нанести одни изъ наиболѣе памятныхъ для меня ударовъ русской реакціи и тѣмъ, кто предавалъ родину.

Въ то время, когда я издавалъ мое первое «Общее Дѣло» въ Парижѣ, ген. Верховскій еще не былъ генераломъ и революціоннымъ министромъ, а пѣлъ гимны царизму, и въ его прошломъ тогда было много такого, о чемъ лучше не поминать по пословицѣ: «быль доброму молодцу не укорь!»

Мнѣ очень тяжело разстаться съ названіемъ газеты «Общее Дѣло» и я ее подъ тѣмъ же самымъ названіемъ переносу на этихъ дняхъ въ Парижъ, гдѣ нѣтъ никакихъ Верховскихъ и гдѣ никто не помѣщаетъ мнѣ издавать «Общее Дѣло», какъ это велитъ мнѣ моя совѣсть и мое пониманіе интересовъ родины.

Но этого мало.

Верховскіе — явленіе скоропреходящее въ русской жизни. Мы увѣрены, что въ самомъ скоромъ будущемъ мы сумѣемъ обойтись и безъ нихъ.

Когда это будетъ, я возобновлю въ Петроградѣ изданіе «Общаго Дѣла» подъ старымъ дорогимъ для меня названіемъ и снова пойду по старому пути, по которому я шель все время николаевской реакціи.

(«Наше Общее Дѣло». № 1, 25 октября 1917 г.)

В. Бурцевъ.

Оглавленіе второго выпуска.

Предисловіе	3
Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними	7
Керенскій, Корниловъ и Калединъ	15
Мой отвѣтъ В. Г. Короленко	18
Граждане! Спасайте Россію!	24
Отъ редакціи газеты «Общее Дѣло»	29

Содержаніе перваго выпуска.

1. Предисловіе
2. Къ читателямъ « Общаго Дѣла ».
3. На старомъ пути.
4. Въ Россіи нѣтъ свободы печати!
5. Въ Россіи нѣтъ правосудія!
6. Дѣло ген. Корнилова и Временное Правительство.

7. Пусть будетъ стыдно селянскому министру В. М. Чернову!
 8. Врагъ вламывается въ нашъ домъ!
 9. Ни мятежа, ни заговора не было!
 10. Нѣтъ! — это не отвѣтъ!
 11. Страна ждетъ отвѣта отъ правительства!
 12. Въ защиту арміи и флота.
 13. Власть должна быть честная и смѣлая.
 14. Да здравствуетъ Временный Совѣтъ Республики!
 15. Не того ждетъ Россія отъ Временнаго Правительства.
 16. Главнаго въ Совѣтъ Республики сказано не было.
 17. Радостныя надежды и хорошія слова.
 18. Наше несчастье и нашъ позоръ.
 19. Намъ нужно Министерство Иностранныхъ Дѣлъ — честное, энергичное, понимающее свои задачи.
 20. Большевики грозятъ совершить новыя преступленія.
 21. Италію постигло новое несчастье.
 22. Генераль Черемисовъ, какъ одинъ изъ многихъ защитниковъ и покровителей большевиковъ.
 23. Граждане! Спасайте Россію!
 24. *Приложеніе* : Читателямъ « Общаго Дѣла ».
-

- Вл. Бурцевъ** „Въ борьбѣ съ большевиками и нѣмцами“. Второй выпускъ. 2 фр. —
 (Первый выпускъ распроданъ).
- Вл. Бурцевъ** „Проклятіе вамъ, большевики!“ (4 изд.) — 50 с.
- «**Общее Дѣло**» (1918 — 1919), Paris, 24—59 №№, — отдѣльные номера съ пересылкой по . . . — 25 с.
- Грибовъдовъ** «Горе отъ ума». (Первое дѣйствіе). Подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей В. Л. Бурцева. Парижъ. 1919 г. 4 фр. —
- Грибовъдовъ** «Горе отъ ума». (Первое дѣйствіе). Подъ редакціей В. Л. Бурцева. Парижъ. 1919 г. 1 фр. 50 с.
- Грибовъдовъ** «Горе уму». (Первое дѣйствіе). Подъ редакціей В. Л. Бурцева (по бѣгичевской рукописи). (Издание вышло въ ограниченномъ количествѣ и въ продажу не поступило) — —

Выписывать эти изданія можно по адресу:
V. Bourtzeff, 49, Bd St-Michel, Paris.